
ЛИТЕРАТУРА XX–XXI вв.

Русская литература

УДК 821.161.1

DOI: 10.31249/lit/2025.03.08

ЛЕВЧЕНКО Т.В.¹ «СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ». ЗАПРЕЩЕННАЯ РЕЦЕНЗИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИКА Ф.М. ЛЕВИНА НА РОМАН БУЛАТА ОКУДЖАВЫ «БЕДНЫЙ АВРОСИМОВ» (1969) / ПОВЕСТЬ «ГЛОТОК СВОБОДЫ» (1971)[©]

Аннотация. До настоящего времени считалось, что реакция критиков на роман Б. Окуджавы «Бедный Авросимов» («Дружба народов», 1969, № 4–6) была вялой и малочисленной. Два основных критических отклика Вл. Бушина и Г. Шторма были напечатаны в октябре 1969 г. в «Литературной газете». Открытые в 2014 г. материалы архива литературного критика Ф.М. Левина (1902–1972) позволяют говорить о том, что в период 1969–1972 гг. активный отклик критики на роман «Бедный Авросимов» (повесть «Глоток свободы» (1971)) и полемика в поддержку романа целенаправленно сдерживались. Статья Ф.М. Левина «Сквозь призму времени» была написана в августе 1969 г. специально для газеты «Литературная Россия». Критик предполагал, что она будет опубликована в сентябре. Но исторические параллели, а главное, моральные и нравственные вопросы, обсуждаемые в статье Левина, были настолько современны и остры, что редакция «Литературной России» долго не решалась на ее публикацию. После выхода рецензий в «Литературной газете» статья Левина с дописанной полемической репликой, защищавшей роман Окуджавы от необоснованных замечаний Вл. Бушина, была поставлена в последний

¹ Левченко Татьяна Викторовна – кандидат физико-математических наук, главный эксперт, Центр цифровых архивных исследований, Национальный Университет «Высшая школа экономики»; tatlevchenko@mail.ru

© Левченко Т.В., 2025

«Сквозь призму времени». Запрещенная рецензия литературного критика Ф.М. Левина на роман Булата Окуджавы «Бедный Авросимов»

номер ноября. Однако 27 ноября 1969 г. «Сквозь призму времени» была изъята из сверстанного номера и больше никогда не была допущена к публикации ни в одном советском издании. В статье, посвященной этим событиям, впервые приводится текст реплики Ф.М. Левина и рассматриваются причины цензурного запрета первого профессионального отклика критики на роман «Бедный Авросимов» и повесть «Глоток свободы».

Ключевые слова: Булат Окуджава; «Бедный Авросимов»; Федор Левин; литературная критика; полемика.

Для цитирования: Левченко Т.В. «Сквозь призму времени». Запрещенная рецензия литературного критика Ф.М. Левина на роман Булата Окуджавы «Бедный Авросимов» (1969) / повесть «Глоток свободы» (1971) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2025. – № 3. – С. 122–142. – DOI: 10.31249/lit/2025.03.08

Поступила: 22.01.2025

Принята к печати: 31.05.2025

LEVCHENKO T.V.¹ *Through the Prism of Time*. A banned review by literary critic F.M. Levin of Bulat Okudzhava's novel *Poor Avrosimov* (1969) / the story *A Breath of Freedom* (1971)

Abstract. Until now, it was believed that the reaction of critics to B. Okudzhava's novel *Poor Avrosimov* (*Friendship of Peoples*, 1969, Nos. 4–6) was sluggish and small. Two main critical responses by Vl. Bushin and G. Shtorm were published in October 1969 in *Literaturnaya Gazeta*. The archive materials of the literary critic F.M. Levin (1902–1972) opened in 2014 allow us to say that in the period the active response of critics to the novel *Poor Avrosimov* (the story *A Breath of Freedom* (1971)) and the controversy in its support were purposefully restrained by censorship and literary opponents of Okudzhava. Levin's article *Through the Prism of Time* was written in August 1969 specifically for the newspaper *Literaturnaya Rossiya*. The critic assumed that it would be published in September. But the historical parallels, and most importantly the moral and moral issues discussed in Levin's article, were so modern and sharp that the editors of *Literaturnaya Rossiya* hesitated to publish it for a long time. After the publica-

¹ **Levchenko Tatiana Viktorovna** – PhD, chief expert, Center for Digital Archival Research, Faculty of humanities, Higher School of Economics; tatlevchenko@mail.ru

© Levchenko T.V., 2025

tion of reviews in *Literaturnaya Gazeta*, Levin's article with an added polemical remark, defending Okudzhava's novel from Bushin's unfounded remarks, was placed in the last November issue of the newspaper. However, on November 27, 1969, *Through the Prism of Time* was withdrawn from the make-up issue and was never accepted for publication again. The article presents for the first time the text of F.M. Levin's remark and discusses the reasons for the censorship ban on the first professional response of critics to the novel *Poor Avrosimov* and the story *A Breath of Freedom*.

Keywords: Bulat Okudzhava; *Poor Avrosimov*; Fedor Levin; literary criticism; controversy.

To cite this article: Levchenko, Tatiana V. "Through the Prism of Time. A banned review by literary critic F.M. Levin of Bulat Okudzhava's novel *Poor Avrosimov* (1969) / the story *A Breath of Freedom* (1971)", *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, no. 3, 2025, pp. 122–142. DOI: 10.31249/lit/2025.03.08 (In Russian)

Received: 22.01.2025

Accepted: 31.05.2025

Оценивая критические отклики на прозаические произведения Б. Окуджавы 1969–1978 гг. Г.А. Белая отмечала: «Романтический стереотип Окуджавы – лирика, созданный нашим воображением, оказался крайне устойчив. Это стало ясно, когда проза появилась, – сначала роман “Бедный Авросимов”(1969), потом повесть “Похождение Шипова, или Старинный водевиль”(1971); критика на них откликнулась вяло и неохотно. За всем этим так и сквозило: и зачем это ему? Все было так хорошо...

Роман “Путешествие дилетантов” (1976, 1978) уже вызвал полемику, но она пошла как бы в обход главного: поэта обвиняли в исторической недостоверности¹. Его защищали, пытаясь объяснить, что дело не в фактах²» [Белая, 1986, с. 207].

¹ «Бушин Вл. Кушайте, друзья мои, все ваше... // Москва. – 1979. – № 7. – С. 188–203» – эта ссылка на статью Бушина дана самой Г.А. Белой [Белая, 1986, с. 362]. Добавим, что хотя в статье Бушина речь шла о романе «Путешествие дилетантов», но начиналась она с упоминания и критики «Бедного Авросимова» и «Глотка свободы».

² «Оскоцкий В. Памфлет или пасквиль? О романе Булата Окуджавы “Путешествие дилетантов” в статье В. Бушина “Кушайте, друзья мои, все ваше...” // Литературная Грузия. – 1980. – № 1. – С. 154–171» – эта ссылка также указана Г.А. Белой [Белая, 1986, с. 363].

Принято считать, что реакция профессиональной критики на первый роман Окуджавы была малочисленной и не быстрой. Только в середине осени – 8 октября 1969 г. «Литературная газета» опубликовала две рецензии на «Бедного Авросимова», предварив их редакционным предисловием «Два мнения об одном романе». Одна статья, весьма благожелательная, была написана историком литературы, автором научно-исторических романов, опирающихся на глубокие архивные изыскания, Георгием Штормом и называ-

Из воспоминаний В. Оскоцкого видно, как непросто было вести ему эту полемику: «Когда в «Дружбе народов» был напечатан «Бедный Авросимов», Владимир Бушин, тогдашний член редколлегии, обрушился на меня как на пособника идейной ошибки, допущенной журналом. Как я потом догадался, для него это была разведка боем.

– Почему же, – спрашиваю его, – я только сейчас, на летучке, впервые слышу о вашем особом мнении? Почему вы его не высказывали раньше, до публикации романа, при его обсуждении? Чего выжидали?

– Потому что вы меня к себе в отдел не пригласили, не предложили мне прочесть рукопись, лишили меня возможности ознакомиться с романом заранее. По существу утаили роман...

Отдаю должное Сергею Баруздину: главный редактор, он этот бушинский наскок, как и последующие попытки своего первого заместителя цеховской выучки Л. Лавлинского отлучить Булата Окуджаву от журнала, выдержал достойно. Так же достойно отбил и впоследствии натиск «Литературной газеты», поместившей разносную статью В. Бушина о «Бедном Авросимове». По тем временам случай беспрецедентный, ни в какие ворота: с резкой критикой журнала выступает его сотрудник. И не пятая спица в колеснице, а член редколлегии, который печально наставляет недалекого главного редактора, учит его уму-разуму: подменил-де принципиальную литературную политику беспринципным приятельством, одобрил порочный роман, впал в идеологическую ересь. Демарш не удался: приняв вызов, С. Баруздин предложил В. Бушину оставить «Дружбу народов» подобра-подзорову. Тот, не найдя ни в редколлегии, ни в коллективе маломальской поддержки, на сей раз не стал склочничать и послушно подал заявление об уходе «по собственному желанию». Но это лишь первый виток его оголтелой борьбы с Булатом Окуджавой. Следующий – пасквильная статья в журнале «Москва» о романе «Путешествие дилетантов». Возмутителен был ее основной мотив: ты, такой-сякой нацмен, берешься за русскую историю и клеветешь на нее. Что же до собственных исторических представлений, суждений и воззрений критика, то одно пещернее другого. Я не мог успокоиться, пока не написал полемический ответ «Памфлет или пасквиль?»<> Но куда бы ни предлагал его в Москве – нигде не брали. Ни в журналах, ни в газетах. Как правило, со мной соглашались, но печатать не решались даже при моей готовности сократить полукрамольный текст, дать его хотя бы в выдержках. На счастье, о статье узнали в журнале «Литературная Грузия», где главным редактором был благороднейший Гурам Асатиани. Он запросил у меня текст, прочел и сходу поставил в номер в полном объеме» [Оскоцкий, 2003, с. 137–138].

лась «История принадлежит поэту»¹. Другая – «погромная» [Никитский, 2021, с. 693], была написана критиком Владимиром Бушиным, назвавшим свой текст «Удобности производить революцию». Даже названия рецензий вполне отражали отношение их авторов к роману. Шторм писал о возможности авторских интерпретаций исторических фактов. Бушин, выискивая исторические несоответствия и ошибки у Окуджавы, приписал к оным и фразу из романа, вынеся ее в заголовок². Следующие отклики на роман появятся только в 1975 г.³

Материалы архива литературного критика Федора Марковича Левина (1902–1972)⁴, изучение которого началось в 2014 г., к настоящему времени позволяют говорить о том, что в период 1969–1972 гг. активный отклик критики на роман «Бедный Авросимов» / повесть «Глоток свободы» (1971) и возможная полемика в их поддержку целенаправленно сдерживались.

Среди множества неопубликованных статей Ф. Левина машинописный текст с правкой (вычеркивания и листы с рукописными вставками) под названием «Сквозь призму времени», по-

¹ Шторм Г. История принадлежит поэту // Литературная газета. – 1969. – 8 окт. – С. 6.

² Бушин В. Удобности производить революцию // Литературная газета. – 1969. – 8 окт. – С. 6. Между тем, это была именно историческая точность Окуджавы, использовавшего слова самого Пестеля об изучении будущими декабристами просветительской философии и политической истории (в том числе, недавней) европейских стран, которые «познакомили умы с революциями, с возможностями и удобствами оные производить» (Восстание декабристов: материалы. – Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1927. – Т. 4. – С. 105).

³ Статьи будут обзорные, и обсуждение исторической прозы Окуджавы будет лишь составной их частью (Перцовский В. Нравственный поиск исторической прозы // Сибирские огни. – 1975. – № 1. – С. 152–165.; Левкович Я.Л. Восстание декабристов в советской художественной прозе // Русская литература. – 1975. – № 4. – С. 167–179). И речь будет идти не о романе «Бедный Авросимов», а о повести «Глоток свободы», в которую Окуджава преобразовал роман для публикации в 1971 г. в издательстве «Политиздат».

⁴ Архив Ф. Левина – частный архив, основную часть которого составляет литературное, мемуарное, эпистолярное наследие Ф.М. Левина периода 1920–1972 гг. В архив входят и документы членов его семьи, а также литературоведа И.С. Сергиевского и литературного редактора М.Я. Сергиевской (Рабинович). В настоящее время архив Ф. Левина курируется Т.В. Левченко. Далее ссылки на архив приводятся как [Архив Левина] без уточнения шифров хранения (архив пока не систематизирован).

«Сквозь призму времени». Запрещенная рецензия литературного критика Ф.М. Левина на роман Булата Окуджавы «Бедный Авросимов»

священный, на первый взгляд, повести Б. Окуджавы «Глоток свободы» о декабристе Павле Пестеле, вышедшей в декабре 1971 г. в книжной серии «Пламенные революционеры», был найден одним из первых. Анализ правки показал, что машинопись является авторской редакцией статьи с тем же названием, написанной Левиным в августе – сентябре 1969 г. Это был мгновенный и не заказанный никаким изданием отклик критика на роман Окуджавы «Бедный Авросимов», напечатанный в том же году, в 4, 5 и 6 номерах журнала «Дружба народов».

По свидетельству дочери критика Е.Ф. Левиной¹, с которой он обсуждал роман, рецензия сразу же после написания была передана в редакцию газеты «Литературная Россия», в которой Левин печатался в 60-е годы. Однако исторические параллели, а главное – моральные и нравственные проблемы романа Окуджавы, обсуждаемые Левиным в своей статье, были настолько современны и остры, что редколлегия «Литературной России» не решалась на ее публикацию. Выход в октябре 1969 г. рецензий В. Бушина и Г. Шторма в «Литературной газете» побудил Левина дополнить текст своей статьи. Высоко оценивая роман Окуджавы, он написал резкий ответ на критическую заметку В. Бушина и вернул в «Литературную Россию» новый текст.

Вот, что писал Ф. Левин о претензиях В. Бушина:

«Эта рецензия уже была написана, когда в “Литературной газете” 8 октября текущего года появились статьи Г. Шторма и В. Бушина о романе Б. Окуджавы, помещенные в рубрике “Два мнения об одной книге”».

В. Бушин неуважительно отнесся к читателям газеты, не потрудившись обосновать свое отрицательное отношение к роману. “У меня не хватает смелости предпринять всесторонний разбор романа, – с притворной скромностью и явной иронией пишет В. Бушин, – а давать ему общую оценку едва ли есть необходимость, ибо она уже имеется в том же предисловии: ‘новое слово’ в советской исторической романистике” (речь идет о предисловии к публикации романа, написанном главным редактором “Дружбы народов” С. Баруздиным). Освободив себя таким образом от разбора романа, В. Бушин в фельетонно-насмешливой манере представил два с лишним десятка языковых и стилистических погреш-

¹ Елена Федоровна Левина (1936–2018) – кандидат технических наук, переводчик художественной литературы, написала мемуарные записки о литературном круге и друзьях отца.

ностей, допущенных Б. Окуджавой, и несколько его ошибок в сфере реалий быта эпохи (кстати сказать, критические замечания подобного рода есть и в серьезной, дельной статье Г. Шторма). Далеко не все упреки В. Бушина справедливы. Например, Капитан Майборода вполне мог сказать: “Как мы служили долгу, так и он нам платит”, обозначая словом “долг” николаевскую монархию, царское правительство. Ничего крамольного нет и в другом примере – “...Голос Аркадия Ивановича взлетел до предела...”, – если только мы не откажемся вообще от образной речи. Некоторые “погрешности”, относимые В. Бушиным на счет автора романа, почерпнуты Б. Окуджавой из документов эпохи. Но, если даже большая часть замечаний В. Бушина справедлива, легко видеть, что она сводится к обычной редакторской и корректорской правке. Легко сделать в романе исправление отмеченных В. Бушиным мест, но что же тогда останется от “мнения критика”?

Кстати, в то время, когда роман печатался в “Дружбе народов”, Бушин был членом редколлегии журнала и его сотрудником. Он имел возможность и даже был обязан предложить автору свои поправки. Почему он отложил исполнение этой обязанности до выхода романа в свет, почему послал “парфянскую стрелу” в автора предисловия к роману, почему использовал для этого страницы “Литературной газеты”, это, очевидно, вопросы не столько литературного, сколько этического порядка¹ [Архив Левина].

Таким образом, в октябре «Литературная Россия» получила от Левина еще более острый материал, который включал газету в злободневную полемику и с редакцией «Литературной газеты» и с В. Бушиным.

Как свидетельствуют сохранившиеся в архиве гранки «Сквозь призму времени» редколлегия газеты приняла решение опубликовать новый текст Левина, но оно было принято не сразу: полемическая реплика по поводу рецензии В. Бушина допечатана (доверстана) на полях основного («сентябрьского») текста статьи. Из сверстанного текста убран последний абзац о «вопросах этического порядка».

Однако статья-рецензия Ф. Левина «Сквозь призму времени» на роман «Бедный Авросимов» ни с этой репликой, ни без нее, ни ее вариант, отредактированный критиком в 1971 г. после выхода в «Политиздате» повести «Глоток свободы», никогда опубликованы не были, хотя на протяжении полутора лет критик предпри-

¹ Цитируется по рукописи.

нимал несколько попыток. Важно отметить, что Левин и поддерживавшая его часть редколлегии «Литературной России» предпринимали попытку напечатать в газете рецензию и реплику в 1970 г. В тексте реплики на гранках присутствуют следы рукописной правки, сделанной Левиным. В частности, слово «текущего» заменено на «прошлого». По воспоминаниям Е. Левиной, критик предлагал оба варианта статьи в несколько других изданий (рецензия на повесть «Глоток свободы» была предложена и в «Литературную газету», и в журнал «Дружба народов»)¹.

Причин, по которым статья – первый критический отклик на роман, оказалась «не проходной», на наш взгляд, несколько. Первая – нежелание властей популяризировать творчество неблагодарного Окуджавы [Босенко, 2007, с. 55–59]. Вторая – поддержка определенными литературно-политическими силами Вл. Бушина и его взглядов [Босенко, 2007, с. 56; Белая, 1986; Оскоцкий, 2003]. Третья – связана с личностью критика Федора Левина [Левченко, 2017] и с тем, что он увидел в романе Окуджавы.

До настоящего времени считалось, что официальный запрет на упоминание имени Окуджавы («лишение права голоса»)² был

¹ «Пробить» публикацию статьи о «бедном Авросимове» оказалось по-прежнему невозможно, даже когда Окуджаву вновь начали печатать: в декабре 1971 г. вышла из печати повесть «Глоток свободы», а в «Дружбе народов» опубликовали «Похождения Шипова». Весной 1972 г. положение Окуджавы вновь ухудшилось. Как свидетельствует запись дневника А. Гладкова: «27 марта. Слухи о том, что над Окуджавой собирается гроза. Его вызывал к себе Ильин и требовал письма с отмежеванием от зарубежных изданий, но Булат отказался, а на партийном собрании говорили, что текст их разговора уже передавала Бибиси (?) <...> Виктор Николаевич Ильин (1904–1991), сотрудник НКВД, комиссар госбезопасности (в 1937–1938 гг. отвечал за работу по разработке меньшевиков, стал начальником третьего отдела Секретно-политического управления НКВД, занимавшегося работой с творческой интеллигенцией); в 1943 году осужден на девять лет тюрьмы. Отбыв срок, уехал в Рязань, где работал грузчиком (реабилитирован в 1954 году); в 1956 году был избран секретарем Московского отделения Союза писателей и до 1977 года – член Союза писателей СССР и его секретарь» [Гладков, 2016]. За несколько дней до смерти в мае 1972 г., убедившись в тщетности своих попыток опубликовать статью, а также, по-видимому, предчувствуя свой скорый уход, Ф. Левин передал ее Б. Окуджаве. Весьма вероятно, что она сохранилась в бумагах его архива.

² Из письма Б. Окуджавы от 26 июля 1970 г. в партком Московской писательской организации: «Я написал роман о декабристах. Он опубликован в журнале “Дружба народов”. Я написал в “Литературную газету” маленькую заметку в ответ на статью критика, который был слишком раздражен, слишком плохо знал историю, мне ответили, что газета не считает нужным вести разговор о моем ро-

связан с публикацией в 1970 г. «Бедного Авросимова» в антисоветском издательстве «Посев» в составе книги «Два романа»¹. Однако запись в дневнике Ф.М. Левина 1969–1970 гг. свидетельствует о том, что первопричина и время запрета были иными. «История с моей рецензией о романе Б. Окуджавы “Бедный Авросимов”. Написал ее больше месяца назад для “Литературной России”. Рецензия очень понравилась в отделе – Д. Дычко, Н. Изюмовой, В. Савватееву. Возразил кто-то (видимо, Г. Дробот). Отдел не сдался. Рецензию послали семи членам редколлегии. Ее очень одобрили Лев Кассиль, В. Тельпугов, Л. Фоменко, Л. Якименко и еще кто-то². Все готово. Прочел в полосе, сделал поправки. Должна идти 28 ноября. В это время Б. Окуджава, Б. Можаяев, Г. Бакланов, Ю. Бондарев, С. Антонов, А. Гладилин, Г. Владимов идут к орг.секретарю Союза писателей СССР К. Воронкову и ставят вопрос о том, чтоб исключение А. Солженицына обсудить на плену-

мане. Почему меня лишили права голоса, я не могу понять. Один из ведущих режиссеров нашего театра попытался инсценировать роман для телевидения. Ему посоветовали об Окуджаве и не заикаться. Прошел год. За рубежом роман вышел уже в семи странах, в самых порядочных издательствах, а из плана приложения к “Дружбе народов” почему-то вылетел: кто-то велел, кто-то распорядился. Старая история. И это в то время, когда многие и не лучшие прозаические произведения издаются сотысячными тиражами и переиздаются с легкостью» [цит. по: Сарнов, 2014, с. 47].

¹ Произведением, напечатанным вместе с «Бедным Авросимовым», был «маленький роман» «Фотограф Жора» (авторская датировка его создания – 1964 г.), который Окуджава считал неудачным и никогда не публиковал на родине. В настоящее время «Фотограф Жора» признан исследователями «первой прозаической попыткой Окуджавы коснуться проблем репрессированных отцов коммунистов» [Бойко, 2009, с. 70].

² Дора Самойловна Дычко (1916–1983) – литературный критик, в 60-х зам. зав. отделом критики в «Литературной России», с 1974 г. – зав. отделом критики; Нонна Аристарховна Изюмова (1933–?) – редактор отдела критики и библиографии; Вячеслав Яковлевич Савватеев (1939–2022) – в 1969–1973 гг. сотрудник отдела критики; Галина Васильевна Дробот (1917–2009) – в 1969–1980 гг. заведующая отделом прозы, член редколлегии «ЛР», секретарь партбюро редакции.

Виктор Петрович Тельпугов (1917–1999) – писатель, с 1959 г. сотрудник «Литературы и жизни», в 1965 г. занимал должность зам. главного редактора «ЛР»; Лев Абрамович Кассиль (1905–1970) – писатель, член редколлегии с 1961 г. и до самой смерти; Лидия Николаевна Фоменко (1909–1974) – литературный критик, зав. отделом критики «ЛР», в 60-х – член редколлегии «ЛР»; Лев Григорьевич Якименко (1921–1978) – литературовед, член редколлегии «ЛР» с 1963 г.

ме правления¹. Весть об этом посещении распространилась мгновенно, на другой день об этом передавало радио Канады, Би-би-си и т.д. В итоге моя отличная (не хвалюсь) рецензия, почти статья, горит синим огнем и, вероятно, вообще не пойдет. Не “Бедный Авросимов”, а “бедный критик”. Прямо хоть пиши только о покойниках (да и то не обо всех; моя статья – предисловие к “За живой и мертвой водой” А.К. Воронского² может погореть вместе с книгой, хотя все подготовлено и статья одобрена и на 60% оплачена). 27 ноября 1969» [Архив Левина]. Делая эту запись Ф. Левин еще не знал, что место рецензии в номере займет перепечатка подвала «Литературной газеты» от 26 ноября, посвященная исключению А.И. Солженицына из Союза писателей, и в частности, одобрению этого решения литературной общественностью. Левин был знаком с Солженицыным, высоко ценил его творчество. В январе – мае 1967 г. на квартире Левина Солженицын встречался с Е.Г. Эткиндоном и работал над письмом IV Съезду писателей. В 1964 г. статья Левина о творчестве Солженицына «Новый необычный талант» была так же, как и «Сквозь призму времени», вынута из набранного номера журнала «Вопросы литературы» [Левченко, 2019].

¹ Заметим, что в «Хронике текущих событий» – первом в СССР машинописном информационном бюллетене правозащитников, в номере от 31 декабря 1969 г. был приведен другой список фамилий писателей, ходивших к Воронкову. Фамилия Б. Окуджавы не фигурировала. Как, впрочем, и фамилии Гладиллина, Владимирова и Бондарева. Также в заметке неверно указана должность Константина Воронкова в Союзе писателей. «Группа московских писателей: Антонов, Бакланов, Войнович, Максимов, Можаяев, Тендряков, Трифонов нанесли визит секретарю СП РСФСР Воронкову. Они выразили свое несогласие с тем, что группа неизвестных рязанских литераторов исключила из СП такого крупного писателя как СОЛЖЕНИЦЫН. Они потребовали, ввиду особой важности этого дела, обсуждения на пленуме СП при условии максимальной гласности. Они просили довести это мнение, являющееся не только их мнением, но и многих писателей, не явившихся на прием, до сведения всех секретарей СП, а также до сведения ЦК. ВОРОНКОВ заверил их, что передаст. После этого некоторых (членов партии) вызывали в райкомы, где их прорабатывали первые секретари, а также Ю. Верченко, зав. отделом культуры М<осковского> К<омитета>» [Хроника, 1969].

² Александр Константинович Воронский (1884–1937) – революционер, литературный критик, создатель группы «Перевал», создатель и первый главный редактор журнала «Красная новь», расстрелян в 1937 г. Более подробно о выходе «За живой и мертвой водой» в 1970 г. см. [Левченко, 2023].

Ф.М. Левин был убежденным антисталинистом задолго до развенчания культа личности, но при этом оставался человеком коммунистических убеждений. Для Левина его коммунистические идеалы были равнозначны его честному имени. Оттепель, XX и XXII съезды, реабилитации живых и мертвых были восприняты им как восстановление исторической справедливости. Он отдавал много сил, возвращая читателям имена поэтов, прозаиков, критиков, насильно вычеркнутых из истории во время сталинского террора [Левченко, 2023]. Однако к середине 60-х Левин все больше убеждался в тщетности своих ожиданий и надежд. Чтобы представить его взгляды, его нравственную позицию достаточно прочесть запись дневника июля 1966 г.: «В сущности многие так или иначе пытаются объяснить свое трусливое, и иногда и подлое поведение в годы 1937–1953, чтобы оправдать себя. Люди вели себя по разному: одни были активными соучастниками, проработчиками или и того хуже: исключали, доносили, сажали, приговаривали, другие пассивно глядели, отходили в сторону, обходили бывших друзей и знакомых, подвергшихся проработкам, покорно подымали руки “за” исключение, внутренне не веря. Что это было? Одни ничего не понимали и слепо верили в Сталина и в то, что совершаемое если и жестоко, и даже несправедливо, но – оно необходимо, иначе нельзя, “щепки летят”».

Другие понимали, но делали карьеру: это самые грязные подлые, в сущности, фашисты. Они чиновники, карьеристы, готовые служить кому угодно стоящему у власти, они – циники, они – бюрократы и т.д.

Наконец, были и такие, которые усыпляли голос своей совестью, ссылаясь на то, что они жертва обстоятельств, а по сути дела вульгарно боялись, а к тому же не хотели лишиться своей доли благ и комфорта. И они эту долю имели. Но в глубине души они не могут не сознавать, что они не борцы не революционеры, не коммунисты, а так... обыватели. Те обыватели, которые жили “честно и порядочно” и при царизме, не идя ни в какие революционные партии, те обыватели, которые в фашистской Германии сидели тихо, служили, исполняли то, что от них требовалось, и пользовались плодами гитлеровского грабежа и конфискации, например, еврейского имущества, ограбления Франции и, конечно, СССР.

Мы настойчиво требуем суда над всякого рода причастными к нацистским преступлениям. Но своих преступников мы так и не судили. А разве нет у нас не только всякого рода прямых палачей: следователей, избивавших подследственных, лагерного начальст-

«Сквозь призму времени». Запрещенная рецензия литературного критика Ф.М. Левина на роман Булата Окуджавы «Бедный Авросимов»

ва, доносчиков и агентов, губивших людей, но, – и проработчиков (вроде И. Астахова, Б. Галина, Л. Ошанина, А. Софронова, В. Кочетова, Н. Лесючевского и т.д. и т.п., имена их ты, господи, веши), чиновников, которые усердно исполняют очередные указания. Между тем, они все время продолжают оставаться наверху. И Софронов, и Кочетов, и Грибачев, и Серебрякова¹ (лизавшая зад Хрущева на встрече рук<оводителей> партии и пр<правитель>ства с работниками литературы и искусства в 1963 г.)² и другие, вхожие к

¹ Иван Борисович Астахов (1906–1970) – партийно-литературный деятель, литературовед; Борис Абрамович Галин (1904–1983) – советский писатель; Лев Иванович Ошанин (1912–1996) – советский поэт-песенник, партийно-литературный функционер, проработчик во время кампании по борьбе с космополитизмом; Анатолий Владимирович Софронов (1911–1990) – писатель, драматург; в 1948–1953 гг. – секретарь СП СССР, с 1953 по 1986 г. возглавлял редакцию журнала «Огонек». Один из главных организаторов борьбы с космополитами в СП СССР; Всеволод Анисимович Кочетов (1912–1973) – советский писатель, в 1953–1955 гг. – руководитель ленинградского отделения СП СССР, в 1955–1959 гг. редактор «Литературной газеты», с 1961 г. главный редактор журнала «Октябрь»; Николай Васильевич Лесючевский (1908–1978) – партийно-литературный функционер, в 1951–1957 гг. – главный редактор издательства «Советский писатель», в 1958–1964 гг. председатель его правления, а с 1964 г. – директор издательства. Известен своими экспертными доносами на писателей и связями с НКВД и Агитпропом; Николай Матвеевич Грибачев (1910–1992) – советский писатель и партийный функционер, с 1950 г. главный редактор журнала «Советский Союз», с 1959 г. секретарь правления Союза писателей, с 1960 г. кандидат в члены ЦК КПСС; один из главных проработчиков во время кампании по борьбе с космополитами. Называл себя «автоматчиком партии». Как заметил в своей «биографии ввремя» Е. Евтушенко: «Он, конечно, употребил это выражение в сугубо положительном смысле, но история сохранит его в словаре самых позорных дефиниций» (Евтушенко Е. Волчий паспорт. – Москва : Вагнус, 1998. – С. 293).

Галина Иосифовна Серебрякова (1905–1980) – советская писательница, узница ГУЛАГа: в 1936 г. – арестована и выслана в Казахстан, 1939–1945 гг. – первый лагерный срок, 1949–1955 гг. – второй лагерный срок, в 1956 г. – реабилитирована, восстановлена в партии. Как прокомментировал Б. Фрезинский: «Серебрякова была репрессирована как жена Г.Я. Сокольников, товарища большевистской юности Эренбурга, не реабилитированного Хрущевым как “врага народа”; по возвращении из Гулага она продолжила работу над цензурно бесприкрытыми в СССР романами о Карле Марксе» [Фрезинский, 2018].

² «Встречи руководителей партии и правительства с работниками литературы и искусства» были регулярными практиками хрущевского периода. Встреча 1963 г. состоялась в Кремле 7, 8 марта и была уже третьей с начала года. На ней продолжился погром творческих работников, художников, кинематографистов, литераторов. Она стала пиком травли И. Эренбурга, которая была начата чуть раньше руками Г. Серебряковой. «17 декабря состоялась встреча Хрущева и пар-

Хрущеву, влиявшие на него и пользовавшиеся его невежеством, а до того усердно служившие Сталину, “боровшиеся” с космополитами; тот же В. Серов у художников, тот же Михалков и прочие¹, все они остались на своих местах, хотя в глазах совет-

тийных руководителей с “деятелями искусства и литературы”. <...> Галина Серебрякова неожиданно выступила против Эренбурга. Приведя свидетельство бывшего личного секретаря Сталина А.Н. Поскребышева, она обвинила Эренбурга в том, что он был сообщником Сталина в разгроме еврейского антифашистского комитета и аресте его членов в 1948–1952 гг. Провокация была очевидна, и все же результаты этого скандала не заставили себя ждать. Литераторы, до того избавленные от идеологической травли, с 1963 оказываются в центре кампании, направленной против “тлетворного западного влияния”. Наиболее резкой критике подвергаются В. Некрасов, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, А. Солженицын. Эренбурга же и вовсе делают козлом отпущения этой идеологической чистки. Хотя обвинения его в прямом участии в сталинских преступлениях пришлось снять (за их очевидной нелепостью), мысль о косвенной причастности к творившемуся в те годы развивается постоянно и варьируется на все лады. Надо отметить, что писатель сам дал в руки своих критиков этот аргумент: в шестой части своих мемуаров он упомянул, что никогда не верил в виновность своих арестованных друзей, превратившихся во “врагов народа”, но что протестовать было невозможно ни в Советском Союзе, где это очевидно стоило бы жизни протестующему, ни за границей, где такой протест сыграл бы на руку противникам СССР. Эренбург признавался, что он жил “молча, стиснув зубы” [Берар, 1992]. В своей речи 8 марта Хрущев несколько раз возвращался к воспоминаниям писателя, к событиям его жизни, в том числе, в сравнении с судьбой Г. Серебряковой: «Когда читаешь мемуары И.Г. Эренбурга, то обращаешь внимание на то, что он все изображает в мрачных тонах. Сам тов. Эренбург в период культа личности не подвергался гонениям или ограничениям <...> Совсем иначе сложилась судьба такого, например, писателя, как Галина Серебрякова, которая многие годы находилась в заключении. Но она, несмотря на это, сохранила бодрость духа, верность делу партии и сразу после реабилитации включилась в творческую жизнь, взялась за свое оружие и создает произведения, нужные народу и партии. <...> Было время, когда товарищ Эренбург приезжал к В.И. Ленину в Париж и был сочувственно им принят, как он сам об этом пишет. Даже в партию вступал товарищ Эренбург, а затем отошел от нее. Непосредственного участия в социалистической революции он не принимал, занимая, видимо, позицию постороннего наблюдателя. Думается, не будет искажена истина, если сказать, что с таких же позиций товарищ Эренбург оценивает нашу революцию и весь последующий период социалистического строительства в своих мемуарах» [Хрущев, 1963, с. 11, 19]. История травли Эренбурга волновала Ф. Левина – он считал ее реваншем сталинистов [Левченко, 2019, с. 44–45].

¹ Владимир Александрович Серов (1910–1968) – советский художник, автор «ленинианы» в советской живописи и апологет соцреализма в искусстве. с 1954 г. действительный член Академии художеств СССР, возглавивший ее в 1962 г. В 1960 г. стал первым секретарем правления новосозданного Союза ху-

«Сквозь призму времени». Запрещенная рецензия литературного критика Ф.М. Левина на роман Булата Окуджавы «Бедный Авросимов»

ской интеллигенции скомпрометированы тысячи раз. Между высшим руководством и художественной интеллигенцией (а может быть и иной) нет обратной связи. Руководство идет сверху вниз, и

дожников РСФСР. Фактический организатор разгрома Московского Союза художников, произошедшего 1 декабря 1962 г. во время работы выставки «30 лет МОСХ». «Владимир Серов – одна из самых мрачных и подлых фигур сталинской эпохи. <...> Художники “Лианозовской группы”, группы Белютина, художники “Сретенского бульвара” и др. благодаря идиотской – трудно определить иначе – политике ЦК КПСС и реакционности художественных “верхов”, прежде всего руководства Союза художников РСФСР и его первого секретаря Владимира Серова, были искусственно обращены не только в “художественное гетто”, но в некий “анклав” Западного искусства на территории России, образовали “духовную эмиграцию”, живущую – во многом вынужденную жить – как бы “за рубежом”. <...> Устроенная на втором этаже Манежа выставка группы Белютина и нескольких, приглашенных им художников (Ю. Соболева, Ю. Соостера, В. Янкилевского) была организована рвущимся в президенты Владимиром Серовым. При посещении Хрущева, никого из участников выставки – членов МОСХа в Манеже не было. Кроме членов ЦК, присутствовали только официальные лица: секретарь Союза художников СССР С. Герасимов, секретарь Союза художников РСФСР В. Серов, председатель МОСХа Д. Мочальский. Каким образом оказались в этот момент в Манеже “белютницы” – в частности, Жутковский, – не бывшие даже членами МОСХа, можно только догадываться. По прибытии Хрущева, Серов немедленно повел его на второй этаж – именно “авангард” и явился той “красной тряпкой”, которая разъярила Генсека и побудила его разнести уже собственно-экспозицию: работы Фалька, Древина и молодых – Андропова, Никонова, Васнецова, Пологовой, Незвестного, единственного из молодых “авангардистов”, представленного в МОСХовской экспозиции. Как свидетельствуют старые сотрудники Академии художеств, Серов прямо после посещения Хрущева явился в Академию с ликующим воплем: “Победа! Победа!” На другой день (буквально) он был избран президентом, ради чего, главным образом, и затеялась провокация» [Чегодаева, 2006, с. 27–32]. Ф.М. Левини, его семья были знакомы с Р. Фальком, его женой А. Щекин-Кротовой, художниками его круга. В середине 50-х критик, высоко ценивший творчество художника, пытался помочь организовать его выставку. Он тяжело переживал посмертное поношение картин Фалька в Манеже. Новелла Левина о Фальке «Непризнанный мастер», написанная в то время, не была допущена к публикации в советское время и была опубликована впервые в 2014 г. (Левин Ф. Непризнанный мастер // Записки в стол / Ф. Левин ; публ. Е.Ф. Левиной и Т.В. Левченко // Наше наследие. – 2014. – № 112. – С. 104–117); Сергей Владимирович Михалков (1913–2009) – советский и российский поэт, драматург, общественный деятель. В 1946 г. написал басню «Две подружки» о низкопоклонстве перед Западом, финальные строки которой во время кампании по борьбе с космополитизмом читались как описание типичных космополитов: «Мы знаем, есть еще семейки, / Где наше хаот и бранят, / Где с умилением глядят / На заграничные наклейки... / А сало... русское едят!» (Михалков С. Две подружки // Михалков С. Басни. – Москва : ГИХЛ, 1957. – С. 88).

критика сверху вниз. Не понимают, что такое литература и искусство, писателя рассматривают только как агитатора, плоско понимают воспитательное воздействие литературы, сводя к элементарной дидактике, к санпросвету (Н.Г. Егорычев¹ в “Коммунисте” писал: что делает кино и литература? Показывает, как люди пьют, как молодые люди сходятся в первый день знакомства, у нас в Москве много пьянства и хулиганства, а литература нам “не помогает”). Обо всем об этом хорошо говорил Василь Быков на съезде белорусских писателей² [Архив Левина].

Как отмечала Г.А. Белая: «Восстанавливая историко-литературный контекст шестидесятых, нельзя не вспомнить: литература, едва появившись и пробившись, вновь попала в сложнейшую историческую ситуацию, которую мы сегодня уже привычно называем “застойной”. Реанимация отживших, казалось, представлений, фальсификация истории страны, которые вновь утвердились в обществе с конца 60-х годов <...>» [Белая, 2001, с. 37]. В этой ситуа-

¹ Николай Григорьевич Егорычев (1920–2005) – партийно-государственный функционер, в 1962–1967 гг. первый секретарь Московского горкома КПСС; на XXIII съезде КПСС (апрель 1966 г.) предложил восстановить должность генерального секретаря ЦК партии, обосновывая предложение необходимостью возвращения ленинских традиций.

² Василь Владимирович Быков (1924–2003) – советский, белорусский писатель, публицист, автор военной прозы. Речь В. Быкова на V съезде Союза писателей Белоруссии 13 мая 1966 г. не публиковалась в официальной советской печати, только в самиздате и в журнале «Грани». В частности, Быков говорил: «В народном хозяйстве уже так не командуют, как в литературе, там производственные отношения развертываются куда с большей естественностью и закономерностью. <...> Очень и очень ошибаются те, кто считает, будто в искусстве и литературе нет нерушимых законов, что ими можно вертеть как вздувается, склоняя кому куда хочется. Стоит вывести не очень привлекательного генерала, как тотчас раздаётся обвинение в подрыве престижа советских полководцев, стоит изобразить отрицательный персонаж железнодорожника по профессии, как уже слышатся обвинения в поклёпе на славных советских железнодорожников. И это в печати, в наших официальных органах! Есть от чего завывать, немо и отчаянно. Мракобесие по поводу оскорблённой чести мундира в последнее время приобрело угрожающий характер. <...>Увы, плохо ещё нас читают в Центральном Комитете, а если и читают, то разве что с намерением опубликовать анонимную разгромную статью, выловить в этом тексте, семь раз процеженным через различные сита, какую-нибудь крамолу и с детским восторгом выставить её на обозрение: смотрите вот какие мы “бдительные”. <...> И это, конечно, закономерно. До тех пор пока, личность писателя будет такой приниженной, а роль чиновного “благородия” – такой непогрешимой высокой, так и будет продолжаться впредь» [Быков, 1966, с. 114, 119].

ции важнейшей задачей интеллигенции вновь становилось просветительство. Надо было заставить думать народ, который бездумно и кровожадно требовал на многолюдных митингах смерти Бухарина, Каменева, Зиновьева, Сокольников и других «врагов народа», а до этого столь же рьяно уважал и цитировал их; который, не прочтя «Доктора Живаго», единогласно голосовал на собраниях за изгнание «предателя Родины» Пастернака. Надо было научить его сопоставлять, сомневаться, анализировать. Поэтому Левину было важно не только увлечь читателя романом Окуджавы, но обратить его внимание на исторические параллели, заставить взглянуть на них «сквозь призму времени». Критик не считал «Бедного Авросимова» обычным историческим романом: «Роман Б. Окуджавы не столько исторический, сколько социально-психологический, социально-нравственный и историко-бытовой. В душе “бедного Авросимова” прикоснувшегося к одной из великих драм русской истории, рождаются смятенные чувства, возникают мучительные вопросы. Он так и не может их разрешить, не в силах понять их, разобраться в них до конца, недаром он “бедный Авросимов”, но вопросы эти остаются перед читателем, они возбуждены, они поставлены, они бросают свет вокруг» [Архив Левина].

Понимая, что время обнажает корни и побудительные мотивы действий, часто непонятных современникам, открывает взаимосвязь разнесенных в пространстве поступков, суждений и людских судеб, критик увидел в романе отражение нравственных проблем рядовых людей, чьи жизни оказались вплетенными в страшную послереволюционную историю, искореженные ею, ставшие ее знаками. В дневниках Левина записано множество трагических людских историй, которые он помнил сам или которые стали известны с чьих-то слов периода тридцатых, сороковых годов¹. Любые людские поступки, тем более крупные, так называемые судьбоносные поступки и события, падают, как камни в воду, в глубины времени, но их последствия расходятся, как круги по воде, захватывая гораздо большую площадь, большее число людей, чем непосредственные участники событий. Герои историй, записанных Левиным, такие «случайно захваченные» люди, и в этом главный герой романа Б. Окуджавы – молодой провинциальный писарь Иван Евдокимович Авросимов, человек далекий от главного сюжетного конфликта, весьма схож с ними.

¹ Из этих записей Левин собирался сделать книгу памяти. Ее предполагаемое название «Из книги судеб».

По первой же цитате из романа, приводимой Левиным в статье, очевидно, что критик явно указывает на аллюзии недавнего прошлого: «Вы, милостивый государь, – “не без иронии обращается к читателю повествователь, отнюдь не вполне тождественный автору, хотя и близкий ему (Ф. Л.)”, – читаете все это, уютно устроившись в теплой комнате, слыша гудение самовара из столовой, вдыхая ароматный запах сдобных плюшек, приготовленных для вас к ужину, вы читаете все это, как счастливый человек, избавленный от страстей того времени, чуждый всяким возмутительным порывам, удивленно вскидывая брови при словах “донос”, “казнь” и тому подобных, и вам, наверное, представляется все это даже выдумкой моей, фантазией... Нет, нет, милостивый государь, все было именно так, даже еще почище, хотя я при всем желании не берусь, да и не смог бы охватить всего, а потому выхватил из этого всего несколько случайных жизней, а уж вы сами там домысливайте остальное, ежели не боитесь, что чай остынет» [Окуджава, 1969, № 5, с. 166]¹.

¹ Вот рассказ об одной из таких судеб из поздних записей (тетради 1963 г.): «Умер Моисей Маркович Торчинский, брат Лидии Марковны, умершей четыре с половиной месяца тому назад, жены И.О. Адова. Адов рассказал мне о Торчинском. Он умер 12 февраля, было ему 62 года. Он был членом партии с 1922 года, почти 22 года провел он в наших тюрьмах и лагерях. Первый раз был арестован в 1933 году. Он только что окончил институт внешней торговли (или какое-то иное название). Окончил блестяще, первым, дипломная работа о мировой торговле нефтью. Было решено послать его в Англию для совершенствования или еще что-то в этом духе. Но был же и второй. Видимо, он-то и решил устранить Т. и стать первым. Так или иначе появилась анонимка, объявляющая Торчинского> – троцкистом. Он был арестован. Следователь тщетно добивался от Т. признания. Никаких фактов и документов, свидетелей и т.д. не было. Девять месяцев просидел он. Один раз – побили. Допрашивали трое суток под светом рефлектора в глаза, не давая спать.

Через 9 месяцев вызвали. Его костюм в камере, конечно, истрепался. Ему дали новый хороший костюм, белье, ботинки. Оделся недоумевая, что происходит. Вышли со следователем, сели в легковую машину. По дороге следователь предупредил, чтоб о тюрьме и следствии он ничего не смел рассказывать. Приехали в комиссию парт. контроля при ЦК партии. Сперва его не пустили. Докладывал следователь. Что он докладывал Торчинский не слышал. Потом его позвали. Задали два-три вопроса, он понял, что считают троцкистом. Сидели Шкирятов, Е.Д. Стасова, Мария Ильинична. Он отвечал, что его оклеветали. В общем Шкирятов оборвал. Тут же решили исключить из партии.

– Можете идти, всё. – Нет, это не всё, – сказал он. – Вы должны меня выслушать. – И стал рассказывать, что с ним и другими делали в тюрьме. – Вы кле-

В чувствах и мыслях, обуревавших Авросимова, узнавал критик переживания тех, о ком собирался писать, более того, внутренние монологи бедного писателя, которые далее цитирует Левин, напоминают записи в дневниках самого критика:

«<...> Прав был Пестель или нет? Злодей он или пророк? Вот оно самое главное – то и следует, милостивый государь. Ежели он не был прав, зачем же наш нынешний государь, я вас спрашиваю, дал народу волю? Стало быть, Пестель был прав? Ах, милостивый государь, а ежели он прав был, ежели прав был, за что же его так позорно казнили?!»

«А государь?.. Тут сердце мое трепещет и содрогается. Он повелел казнить пророка! Вы говорите, мол, за царубийство, но какое же царубийство, которого не было? За намерения? Ах, милостивый государь мой, мы же не дети! Злодеем или глупцом был покойный наш государь?» [Окуджава, № 5, 1969, с. 191].

«Кстати о 1937 году. Творилось непонятное и страшное. Каждый день мы узнавали об аресте того или другого литератора как врага народа. То это был Бруно Ясенский, то И. Луппол, то ... Да мало ли! Рядом со мною, в соседней квартире жил Марк Серебрянский. У меня тогда родилась Лена, у него сын Вовка, дома нам не разрешалось курить. По вечерам каждый час-полтора мы выходили курить в коридор; кто выходил раньше, стучал другому. Мы

вещите! – воскликнула Стасова. – У нас этого нет и не может быть. – Мария Ильична, поражённая, молчала.

Его исключили, но... освободили. Не сразу устроился на работу, написал письмо Микояну – взяли. Всё-таки это был 1933.

В 1937 году арестовали снова и тут уж – до 1955. Прошёл всё, был на Воркуте, в особых лагерях. Система издевательств. Адов говорит, что хотя он уже многое слышал и представлял себе, но такое всё же не мог представить. «Один день Ивана Денисовича» – тень того что было на деле с Моисеем Марковичем.

И вот инфаркт и он умер» [Архив Левина].

Илья Осипович Адов (1901–1971) – журналист, многолетний заведующий отделом искусств газеты «Вечерняя Москва»; Матвей Федорович Шкирятов (1883–1954) – партийный функционер, в 1939–1952 гг. председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС; Елена Дмитриевна Стасова (1873–1966) – профессиональная революционерка, в 1917–1920 гг. секретарь ЦК партии, в 1927–1937 гг. председатель ЦК Международной организации помощи борцам революции (МОПР) СССР и зам. председателя исполкома МОПР; Мария Ильична Ульянова (1878–1937) – младшая сестра В.И. Ленина (Ульянова), участница российского революционного движения, советский партийный и государственный деятель.

ходили по коридору и вполголоса делились новостями, которые узнавали за день (я работал в “Лит.критике” и “Лит.обозрении”, он в Гослитиздате). То он, то я ему называли фамилии и ахали от изумления. В те дни мне рассказали анекдот, который вдруг как-то открыл мне глаза, я увидел, что дело неладно, хотя еще очень далек был от понимания событий. Анекдот простой. “Следователь говорит арестованному: – Подпишите, что вы швейцарский шпион, и я оставлю вас в покое, иначе... Арестованный отвечает: – Пожалуйста, я подпишу, только вы мне объясните: зачем вам столько шпионов?” Действительно, зачем? – думал я. Сколько шпионов можно заслать в страну и завербовать в ней? 50 тысяч, 100 тысяч, 200 тысяч? Но ведь число арестованных исчисляется миллионами¹.

И все же не исторические параллели и прямые аллюзии считал Левин главным достоинством романа Окуджавы.

«Для чего художник обращается к истории? – писал Левин. – Разумеется, для того, чтобы в свете прошлого понять настоящее, связать начала и концы, извлечь уроки. Конечно, этого нельзя достигнуть прямыми параллелями, ибо времена меняются, меняется общество и меняются люди. Но опыт, приобретаемый народом в его историческом развитии, не пустое дело, нравственные принципы, выношенные человечеством, служат компасом и современному человеку. Значение романа Б. Окуджавы и состоит в защите высоких моральных принципов»².

В первом историческом романе Окуджавы Левин увидит ту главную составляющую литературной и человеческой позиции писателя, которую ретроспективно обобщит уже после его смерти в статье «Моцарт в неволе» Г. Белая: «...его политическим протестом стало отстаивание жизни как высшей человеческой ценности,

¹ Из неопубликованных воспоминаний Ф. Левина 1962 г. [Архив Левина].

² Сравнение текстов двух статей 1969 и 1971 гг. показало, что они мало отличаются друг от друга. Однако статья на вышедшую в «Политиздате» повесть о Пестеле стала суше, стала казаться «приглаженной». Это произошло не за счет изменений авторского текста – они невелики. Заменены некоторые слова, например, термин «роман» заменен на «повесть». Дописан вступительный абзац о связи двух публикаций, новый абзац о вступительной статье к повести историка С. Волка «Павел Пестель и его эпоха» и новый финал, из-за появившегося в «Глотке свободы» эпилога о пришедших на смену декабристам народовольцах. Главное отличие – это исчезновение больших цитат из текста «Бедного Авросимова», с одной стороны, погружавших в стиль окуджавского повествования, с другой – важных для точного попадания в цель слов самого критика.

отстаивание внутренней свободы. Он устоял и здесь, и тем спас множество людей. Совесть, благородство и достоинство он не случайно называл своим воинством. Слова “честь” и “искренность”, “любовь” и “верность” все интенсивнее окрашивали его лексикон, конфликтуя с ценностными представлениями советской культуры» [Белая, 2001, с. 38].

Таким же протестом были статья Ф. Левина о романе «Бедный Авросимов» и его попытки поддержать Окуджаву. Это был и профессиональный, и душевный порыв человека, прошедшего многие испытания, но всегда отстаивавшего право на личное мнение, сохранившего внутреннюю свободу, честь, достоинство.

Источники

1. Архив Ф.М. Левина. Рукописи, дневники, переписка 1920–1972 годов (частное хранение).

Список литературы

1. *Белая Г.* Литература в зеркале критики. – Москва : Советский писатель, 1986. – 365 с.
2. *Белая Г.* Моцарт в неволе // Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века : материалы первой Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Булата Окуджавы, 19–21 ноября 1999 г. Перedelкино. – Москва : Соль, 2001. – С. 34–39.
3. *Берар Е.* Вокруг мемуаров Ильи Эренбурга // Минувшее : исторический альманах. – 1992. – Т. 8. – С. 387–406. – URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/THEME/STOP/ERENBURG.HTM> (дата обращения: 01.03.2025).
4. *Бойко С.С.* «Фотограф Жора» Булата Окуджавы и «Отблеск костра» Юрия Трифонова : разрушение революционаризма в прозе 1960-х гг. // Новый филологический вестник. – 2009. – № 2. – С. 68–82.
5. *Босенко В.* «Ату его!», или Окуджава как объект общественно-политической травли // Миры Булата Окуджавы : материалы Третьей международной научной конференции. 18–20 марта 2005. Перedelкино. III : сб. – Москва : Соль, 2007. – С. 55–61.
6. *Быков В.* Речь Василя Быкова на съезде Союза писателей Белоруссии // Грани. – 1966. – № 61. – С. 113–121.
7. *Гладков А.* Дневниковые записи. 1972 год / публик., предисл. и коммент. М. Михеева // Знамя. – 2016. – № 3. – URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2016/3/dnevnikovye-zapisi-1972-god.html> (дата обращения 10.03.2025).
8. *Евтушенко Е.* Волчий паспорт. – Москва : Вагриус, 1998. – 573 с.
9. *Левченко Т.В.* Герои очерка В. Шаламова «Александр Константинович Воронский» и их судьбы в материалах архива литературного критика Ф. Левина // Вопросы литературы. – 2023. – № 6. – С. 52–75.

10. *Левченко Т.* Литературные критики журналов «Литературный критик» и «Литературное обозрение» по материалам архива критика Ф. Левина // *Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки.* – 2017. – Т. 19, № 2 (163). – С. 38–55.
11. *Левченко Т.* Новый необычный талант // *Наше наследие.* – 2019. – № 127. – С. 44–57.
12. *Никитский Я.* Биографический калейдоскоп // *Окуджава. Высоцкий. Галлич...* : науч. альм. : в 2 кн. / [сост.: А.Е. Крылов, С.В. Свиридов]. – Москва : Либрика, 2021. – Кн. 1. – С. 680–695.
13. *Окуджава Б.* Бедный Авросимов // *Дружба народов.* – 1969. – № 4. – С. 107–141 ; № 5. – С. 133–198 ; № 6. – С. 103–168.
14. *Оскоцкий В.* О первой любви, и не только о ней // *Встречи в зале ожидания. Воспоминания о Булате* / [сост.: Я.И. Гройсман, Г.П. Корнилова]. – Н. Новгород : Деком, 2003. – С. 135–144.
15. *Сарнов Б.* Красные бокалы. Булат Окуджава и другие. – Москва : АСТ, 2014. – 480 с.
16. *Фрезинский Б.* Мемуары Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь» (от замысла – к рукописи, от издания – к читателю) // *Эренбург И. Люди, годы, жизнь : в 3 т. / [подгот. текста, предисл., коммент. Б.Я. Фрезинского].* – Москва : АСТ, 2018. – Т. 3 : Книги шестая, седьмая. – С. 5–32. – URL: <https://www.livelib.ru/book/236921/readpart-lyudi-gody-zhizn-ne-zhaleyu-o-prozhitom-ilya-erenburg> (дата обращения 10.03.2025).
17. Хроника текущих событий. – 1969. – Вып. 11, 31.12. – URL: <https://www.antho.net/library/yacobson/khronika/xtc.html> (дата обращения: 15.02.2025).
18. *Хрущев Н.* Высокая идейность и художественное мастерство – великая сила советской литературы и искусства // *Новый мир.* – 1963. – № 3. – С. 3–34.
19. *Чегодаева М.* Нехудожественная история художественного «подполья» конца 1950–1970-х годов // *Чегодаева М. Моя тревога : сборник критических статей об искусстве XX–XXI века.* – Москва : Фирма Блок, 2006. – С. 23–41.